

Илья Шинка

**"Баба Лиза. Додзё на
максималках»**

18+

Илья Шахов

"Баба Лиза. Додзё на максималках»

<https://litres.ru/74098818>

SelfPub; 2026

Аннотация

Чистая комедия, написанная потрясающим, живым русским языком.

Обычный молодой парень Арсений — циник, лентяй и типичный фрилансер — волею судьбы вынужден ухаживать за своей невыносимой, эксцентричной и невероятно острой на язык столетней прабабушкой. Баба Лиза — главный босс семьи, пережившая три денежные реформы, сталинский ампир и запуск первого спутника. Она весит сорок килограммов вместе с шерстяным платком, но командует всеми вокруг голосом генерала тяжелой артиллерии.

Из-за их диалогов и внутреннего монолога героя книгу хочется растащить на цитаты. Арсений комментирует каждую бытовую катастрофу с таким непрошибаемым сарказмом, что у читателя не остается шансов удержаться от смеха. Под строгим надзором прабабушки героям предстоит пережить «манный апокалипсис», штурмом взять подмосковный санаторий, запустить миллионный блог, покорить мишленовские рестораны Токио и подиумы

Парижа, подружиться с умной колонкой и даже... построить Илона Маска.

Никаких соплей и драмы.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	20
Глава 8	23
Глава 9	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Илья Шахов

"Баба Лиза. Додзё на максималках»

Глава 1

Говорят, на пороге смерти перед глазами проносится вся жизнь. Ой ли. Когда тебе двадцать два, ты ленив, как сытый питон, а в твоей не достигшей финансовой зрелости комнате пахнет вчерашней шавермой, остаётся только один вопрос: «За что?».

Мой персональный ответ случился во вторник. Погода за окном была истинно питерской — небо цвета мокрого бетона и дождь, который уныло капал на ржавый отлив окна. Родители улетели в долгожданный отпуск, оставив меня один на один с главным боссом нашей семьи.

Знакомьтесь: баба Лиза. Сто один год неконтролируемой харизмы, чистой ярости и веса в районе сорока килограммов вместе с шерстяным платком.

— Арсений! — донеслось из комнаты, и этот звук заставил меня вздрогнуть.

Голос у бабы Лизы был такой, словно она всю жизнь командовала полком тяжелой артиллерии, причем без мегафо-

на. Я вздохнул, оторвал себя от дивана и поплелся в её комнату.

Интерьер там не менялся со времен Карибского кризиса: полированная стенка «Хельга», пахнущая Красной Москвой и корвалолом, и огромный ламповый телевизор, накрытый кружевной салфеткой. Баба Лиза сидела на кровати, прямая как стрела, и хищно смотрела на меня сквозь круглые очки с линзами толщиной в палец. На её сухоньком лице выделялись две вещи: глубокие, как каньоны, честные морщины и вызывающе яркая, свеженакрашенная бордовая помада.

— Живой, баб Лиз. К сожалению. Что случилось? — спросил я, прислонившись к косяку.

— Что случилось? Ты мне принес не кашу, а строительную смесь. Ей можно дыры в стенах латать, но никак не кормить женщину в самом соку.

— Баб Лиз, это манная каша. Я варил её строго по инструкции на пачке.

— Тот, кто писал эту инструкцию, явно ненавидел человечество, — отрезала она, ткнув ложкой в тарелку с синей каёмочкой, где субстанция уже приняла форму идеального монолита. — Если я это съем, мой желудок встанет так же намертво, как твой карьерный рост. Унеси и похорони с почестями.

Я забрал тарелку. Спорить с бабой Лизой — это как пытаться переубедить несущийся на тебя поезд. Проще отойти.

— И сделай мне чай! — крикнула она мне в спину, по-

правляя съехавший на затылок платок. — Только нормальный! Не этот твой, в пакетиках, который пахнет кошачьим наполнителем и верой в светлое будущее. Насыпь нормального, листового. И не жалея заварки, я не на поминках!

На кухне я вывалил кашу в мусорное ведро (она рухнула на дно как сбитый летчик) и включил старый, свистящий чайник. Мой внутренний голос тихо выл. Друзья сейчас пили пиво в баре и обсуждали новые игры. Я же стоял на кухне и вычислял идеальную пропорцию заварки для столетней женщины, которая пережила три денежные реформы, сталинский ампир и, судя по всему, переживет меня.

Глава 2

К вечеру баба Лиза решила, что мебель в ее комнате стоит «не по фэншую». Понятия о фэншуе у нее были специфические — всё должно было стоять так, чтобы ей было удобно швырять в меня тапком, если я вовремя не обновлю кипятилок в резиновой грелке или задержу подачу отрывного календаря. По расписанию бабы Лизы её ноги должны были находиться в режиме вечного тропического лета, а ритуал утреннего уничтожения прожитого дня и чтение лунного прогноза для редиса был священен так же как вставная челюсть.

— Шкаф надо подвинуть к окну, — заявила она, министе́рски указывая пальцем на дубового монстра социалистического труда.. Этот шкаф, кажется, держал на себе несущую стену дома.

— Баб Лиз, я не осилю такой объем советской радости. У меня протрузия, сколиоз и общая непереносимость физического труда.

— У тебя не протрузия, у тебя лень в терминальной стадии, — парировала баба Лиза, поправляя платок. — Мой второй муж, покойный доходяга Витенька, в твои годы рельсы таскал. А ты от одного вида мебели бледнееешь, как девица на выданье. Двигай, говорю. Мне свет из окна нужен.

— А шкафу для чего свет, баб Лиз? Он что, фотосинтезом занимается? У него там пальто зимнее растет?

— Не паясничай. Старших надо уважать. Особо тех, кто помнит, как твой дед в штаны дул.

Я уперся спиной в шкаф, уперся ногами в паркет и выдал звук, средний между хрипом умирающего моржа и турбиной самолета. Шкаф даже не шелохнулся. Он посмотрел на меня своими зеркальными дверцами с глубоким презрением.

— Ну и что ты замер? — поинтересовалась баба Лиза, наблюдая за моими мучениями с живейшим интересом. — Ты его обнимаешь или соблазнить пытаешься? Сильнее давай! Вот молодежь нынче пошла — кожа да кости, а внутри — один вейп и глупость.

С третьей попытки, чудом не сломав позвоночник, я сдвинул шкаф на целых пять сантиметров. В стене что-то хрустнуло. Возможно, это была моя молодость.

— Хватит, — вдруг сказала баба Лиза.

— Что «хватит»? — тяжело дыша, спросил я.

— Хватит. Посмотрела я — у окна он будет смотреться глупо. Верни обратно.

В этот момент я понял, почему инквизиция в средние века работала так эффективно. У них просто были хорошие учителя.

Глава 3

Ближе к девяти вечера наступило время беспросветного дзена — просмотра телевизора. Баба Лиза признавала только два жанра: новости, где «все врут и скоро капитализму конец», и криминальные сериалы про ментов.

— Включай шестую кнопку, — скомандовала она, устраниваясь на подушках. — Там сейчас Глухарёв будет порядок наводить.

— Баб Лиз, может, включим что-то поспокойнее? National Geographic, например? Про котиков, про природу? Зачем тебе эти убийства на ночь глядя?

— Котики твои — бездельники. Жрут и спят, прямо как ты. А в сериале жизнь как она есть. И интрига! В прошлой серии Сидорчука отравили чебуреком, я хочу знать, кто это сделал.

— Спойлер: это сделал повар, — вздохнул я, переключая канал.

Экран вспыхнул. На нем суровые мужчины в кожанках из начала двухтысячных с серьезными лицами осматривали место преступления. Баба Лиза подалась вперед.

— Вот смотри, Арсюша, — доверительно зашептала она. — Вот это мужчины. Лица волевые, куртки кожаные. А у тебя на ногах что? Джинсы с дырками?

— Это мода такая, баб Лиз.

— Мода у них Тьфу. В наше время если у тебя штаны рваные, значит, ты либо с забора рухнул, либо пьяный в канаве лежал. А сейчас за это еще и деньги платят. Выбрались к капитализму.

Через полчаса просмотра, когда на экране завязалась полномасштабная перестрелка на заброшенном заводе, баба Лиза вдруг повернулась ко мне:

— Арсюша.

— Да?

— А если к нам воры залезут, ты меня защитишь?

Я посмотрел на ее сорок килограммов чистого сарказма и честно ответил:

— Баб Лиз, если к нам залезут воры, я закроюсь в ванной, а тебя оставляю в коридоре. Через пять минут разговора с тобой они сами отдадут нам свои кошельки, явки, пароли, пинкоды и добровольно сдадутся полиции.

Баба Лиза помолчала секунду, а потом на ее лице расплылась редкая, хитрая улыбка.

— Ладно. Хвалю. Хоть соображалка у тебя работает. Иди, принеси мне пряник. Но только мягкий! Если принесешь черствый — я им в тебя кину, а меткость у меня, со времен ворошиловских стрелков, отличная.

Я пошел на кухню, чувствуя, что этот марафон выживания я, возможно, всё-таки доведу до конца. Если, конечно, завтра баба Лиза не решит перекрасить потолок в цвет «бедр испуганной нимфы с оттенком зрелой тоски по лучам акаде-

мической прозы». От нее можно ожидать чего угодно.

Глава 4

Четверг обещал быть спокойным, но все испортила Вика. Вика была девушкой моей мечты: тонкие запястья, каре и полное отсутствие понимания того, во что она ввязывается. Мы встречались две недели, но я совершил критическую ошибку — пригласил ее в гости, пока родители в отпуске. Я забыл про фактор бабы Лизы. Точнее, мой мозг заблокировал эту травмирующую информацию ради выживания.

— Арсений, у тебя так тихо, — прошептала Вика, разуваясь в прихожей и аккуратно ставя свои белые кроссовки.

— Да, у меня тут... тихая гавань, — моментально соврал я, судорожно оглядываясь. На горизонте было чисто. Из комнат не доносилось ни звука, что пугало еще сильнее. Обычно такое затишье бывает перед цунами.

Мы прошли в мою комнату. Я включил музыку, разлил по бокалам вино (самое дешевое из тех, у которых на этикетке нет орфографических ошибок) и только-только придвинулся к Вике, как дверь распахнулась без стука. На пороге возникла баба Лиза. Она была в своем парадном халате с крупными кувшинками, привычно используя ходунки как таран.

— Так, — громко сказала она, мгновенно сканируя комнату взглядом опытного таможенника. — Я вижу, у нас тут гнездо разврата и дегустация контрафакта.

Вика вздрогнула и выронила бокал на ковер.

— Баб Лиз, познакомься, это Вика, — обреченно выдохнул я, мысленно прощаясь с личной жизнью.

Баба Лиза подошла ближе, колеса ее ходунков зловеще скрипнули. Она оглядела Вику с ног до головы, задержав взгляд на её эстетичном оверсайзе.

— Вика, значит. Победа вроде симпатичная, но бедная, судя по одежде. Ткани на колени не хватило? Или тебя в этих парусах тоже собаки рвали, как и моего оболтуса?

— Здравствуйте... — пролепетала Вика, бледнея.

— Смотря где, — отрезала баба Лиза, паркуя ходунки перед её носом. — Ты мне вот что скажи, Вика. Готовить умеешь? Борщ сварить сможешь такой, чтобы ложка стояла, а не падала, как Арсеньева самооценка?

— Я... я заказываю доставку, — честно призналась Вика.

Баба Лиза посмотрела на нее с искренним сочувствием, какое проявляют к людям с тяжелыми неизлечимыми заболеваниями.

— Понятно. Поколение полуфабрикатов и самокатов. Ну ладно, Арсюша у нас тоже не академик Павлов, рефлекс по ТикТоку изучает. Не буду мешать научному процессу. Только музыку сделай тише, Арсений. От этих твоих басов у меня Шаляпин заикается.

Она развернулась на месте с ловкостью водителя погрузчика и покатила обратно в коридор, бросив напоследок:

— И ковер за собой почисти, винодел хренов.

Глава 5

В пятницу у бабы Лизы закончились таблетки «от давления, от сердца и от глупости окружающих». Мне был выдан клочок бумаги, исписанный почерком, напоминающим траекторию распада бозонов.

— Пойдешь в центральную аптеку, — строго наказала она. — Там работает Людочка, она меня знает. Скажешь, что ты от Елизаветы Петровны. Если попытается втюхать аналог — плюнь ей в окошко. Аналоги — это утонченное покушение посредством копий.

— Баб Лиз, тут написано что-то похожее на «экспекторекторис» и какой-то чертеж молекулы. Ты уверена, что это не рецепт вызова сатаны?

— Это таблетки для сосудов. Беги давай, ноги в руки. И не забудь сдачи принести до копейки. Я каждый рубль помню, у меня память получше, чем у твоего смартфона.

В аптеке была очередь из трех пенсионеров, которые обсуждали индексацию пенсий со страстью спортивных комментаторов. Когда подошел мой черед, я протянул бумажку фармацевту.

— Мне вот это. Для Елизаветы Петровны. Внук я её. Точнее, правнук.

Фармацевт, женщина средних лет с усталыми глазами, взглянула на листок, потом на меня. В ее глазах блеснуло ис-

креннее сочувствие.

— А, Лиза... Жива еще, дай бог ей здоровья? — тихо спросила она.

— Переживет нас всех, — заверил я. — Так что там по списку?

— Тут половина лекарств уже три года как снята с производства, — вздохнула аптекарша. — Но я знаю, что она пьет. Возьмите вот это и вот это. Только скажите ей, что это именно те, старые, иначе она устроит здесь всем "праздник здоровья".

— Спасибо, женщина. Вы спасли одну молодую жизнь, — искренне сказал я, забирая пакет.

На выходе из аптеки я чувствовал себя безумным профессором, который только что выменял у теневого синдиката недостающий изотоп урана, чтобы запустить термоядерный реактор в хрущевке. Жизнь с бабой Лизой учила меня конспирации лучше, чем школа шпионов.

Глава 6

Субботний вечер столкнул лбами две величайшие дисциплины человечества: европейский футбол и советскую эстраду.

По телевизору одновременно шли финал Лиги чемпионов, который я ждал полгода, и юбилейный концерт Льва Лещенко, который баба Лиза не могла пропустить «по идейным соображениям».

— Баб Лиз, ну пожалуйста. Один раз в жизни. Там «Реал» с «Ливерпулем» играют. Это исторический матч! — умолял я, стоя на коленях перед ее креслом.

— Какой еще «Реал»? Какие-то миллионеры в трусах бегают по траве, а ты слюни пускаешь, — непреклонно заявила она, крепко сжимая в руке двенадцатый том Большой советской энциклопедии на букву «Л». Настоящая мертвая хватка. — Лев Валерьянович поет. Человек — эпоха! Голос — бархат! Не то что твои эти... астматики с микрофоном.

— Да Лещенко каждый год поет! А финал — один раз!

— Лещенко не вечен, Арсюша. Ему тоже скоро сто. Надо успеть насладиться культурой, пока ты окончательно не отупел от своего футбола.

— Баб Лиз, давай компромисс. Первый тайм — футбол, в перерыве — Лещенко.

— Никаких компромиссов с террористами, — отрезала

баба Лиза. — Включай Льва, или я завтра скажу твоей матери, что ты приводил в дом девицу-отшельницу, и вы тут пили спиртные напитки из фамильного хрусталя.

Я замер.

— Мы пили из обычных стаканов!

— А я скажу, что из хрусталя. И что вы разбили салатницу, которую мне дарили на восьмидесятилетие. Кому твоя мать поверит — матери двоих детей и ветерану труда или тебе, тунеядцу?

Это был шах и мат. Против административного ресурса бабы Лизы не мог пойти ни один «Реал Мадрид».

Признав полное и безоговорочное превосходство верховной власти, я благоговейно отступил в свою комнату, скрылся за ноутбуком и выкрутил звук в наушниках на самый максимум.

От бабы Лизы и советской эстрады функция шумоподавления мгновенно сжалась. Сквозь крики испанских комментаторов и свист трибун в мои уши победоносно ввинчивался дребезжащий, но на удивление точный альт, выводящий: «Прощай! От всех вокзалов поезда-а-а уходят в дальние края!...»

Самое непредсказуемое случилось на восьмидесятой минуте матча. «Реал» забивал решающий гол, комментатор заходил в экстазе, а я поймал себя на том, что в такт атаке подпеваю бабе Лизе про соловьиную рошу. И знаете что? В этом монументальном хаосе определенно крылся какой-то

первобытный магнетизм. Старость подкралась незаметно.

Глава 7

Очередную глупость я совершил, когда решил автоматизировать быт бабы Лизы. Мне надоело каждые пять минут бегать из комнаты в комнату, чтобы подогнать громкость или переключить на погоду. Копилка фрилансера была уничтожена круглой черной фиговиной — умной колонкой с голосовым помощником.

— Это что за черная дыра? — подозрительно спросила баба Лиза, разглядывая устройство на тумбочке. — Шпионские штучки американские? Она нас подслушивает?

— Баб Лиз, это «Алиса». Умная колонка. Ты просто скажи ей, что тебе нужно, и она сделает. Например: «Алиса, включи Льва Лещенко».

Колонка весело мигнула фиолетовым и тут же завела: «Родительский до-о-ом, начало нача-а-ал...»

Баба Лиза от неожиданности чуть не выронила челюсть. Она перевела взгляд с колонки на меня, потом снова на колонку.

— Ишь ты... Бездельница какая, в черную коробку залезла и поет. Алисочка, милая, а ну-ка скажи, какая завтра погода в Ленинграде?

Колонка промолчала.

— Баб Лиз, ее надо сначала по имени назвать, — вздохнул я. — Скажи: «Алиса, какая погода?».

— Алиса! — гаркнула баба Лиза так, что колонка испуганно моргнула. — Погода какая, спрашиваю? Будет дождь или мне суставы зря крутит?

— Завтра в Санкт-Петербурге ожидается переменная облачность, без осадков, плюс восемнадцать, — вежливо ответил цифровой голос.

— Грусть ты электронная, я тебя про Ленинград спрашивала, а не про твой Петербург, — нахмурилась прабабушка. — И вообще, восемнадцать градусов — это мало. Добавь до двадцати двух, а то у меня ноги мерзнут.

— Я не могу изменить погоду на улице, — ответила Алиса.

— Бесплезная вещь, — констатировала баба Лиза, теряя к гаджету всякий интерес. — Погоду поменять не может, спорит со старшими. Тьфу. Арсений, унеси эту черную таблетку, она меня раздражает своим идеальным тоном. Развелось тут помощников, а мусор вынести некому.

Вечером я зашел в комнату и застал сюрреалистичную картину. Баба Лиза сидела в кресле и вела с колонкой светскую беседу. Точнее, допрос с пристрастием.

— А я тебе говорю, Хрущев дурак был! — экспрессивно жестикулировала баба Лиза. — Кукурузу он сеять вздумал на вечной мерзлоте! Ты согласна?

— У меня нет личного мнения на этот счет, но историки утверждают... — пыталась вставить слово Алиса.

— Да что мне твои историки! Я тогда жила, а твои истори-

ки еще в проекте не значились! Включи-ка мне рецепт настоящих сибирских пельменей. Только без кулинарных изысков вроде базилика, у нас в семье это мыло не едят.

Через час колонка выдала ошибку подключения и ушла в перезагрузку. Судя по всему, искусственный интеллект впервые столкнулся с интеллектом естественным, закаленным веком советской истории, и просто не выдержал когнитивного диссонанса.

Глава 8

Понедельник. День Икс. В два часа дня возвращались родители. Я проснулся в одиннадцать и понял: квартира выглядит так, будто в ней снимали клип, отмечали Олимпиаду, запускали шаттл и массово тестировали новую партию фейерверков.

В углу сиротливо лежал ковёр с загадочным пятном, на кухне громоздилась Эйфелева башня из посуды, а в воздухе отчётливо пахло жареной картошкой. Её баба Лиза заставила меня приготовить в три часа ночи, потому что «ночные углеводы — это друзья, а друзей не бросают».

— Арсений, — раздался её ровный, хорошо поставленный голос из спальни. — Вставай, граф Индиго. Скоро явятся твои создатели, а у нас, выражаясь языком пролетариата, конь не валялся. Тебя мать за такой свинарник в детдом сдаст. Обратно, в двадцать два года.

— Баб Лиз, я всё успею, — прохрипел я, выползая в коридор с тряпкой наперевес.

— Ты двигаешься с грацией беременной каракатицы, — баба Лиза уже вовсю маневрировала на своих ходунках, сохраняя царственную осанку и раздавая ценные указания. — Посуду залей кипятком. Пятно на ковре засыпь солью, содой, святой водой и потри старой щёткой. Шкаф... шкаф вообще не трогай. Сделаем вид, что это концептуальное искус-

ство.

Следующие два часа превратились в адский марафон. Я тёр, мыл, пылесосил и складывал вещи со скоростью профессионального клинера под ведром эспresso. Баба Лиза работала метрономом: она сидела на стуле посреди коридора, элегантно держала в руке длинный рожок для обуви из слоновой кости и ритмично постукивала им по подлокотнику, диктуя темп.

— Быстрее, Арсюша, быстрее! Внутренние войска подтягиваются. Я уже слышу, как у подъезда тормозит такси, а у нас ещё финал не отрепетирован!

В 13:58 квартира сияла ложной, хрупкой чистотой. Пятно на ковре скрылось под креслом (мы просто передвинули кресло, к чёрту фэншуй), посуда блестела, колонка «Алиса» была спрятана в шкаф от греха подальше.

Раздался поворот ключа в замке. На пороге появились загорелые, уставшие родители с чемоданами. Мать первым делом подозрительно приняухалась, осмотрела прихожую и перевела взгляд на меня. Я стоял, тяжело дыша, с мокрой чёлкой и нервным тиком в правом глазу.

— Ну привет, — сказала мама, прищурившись. — Как вы тут? Всё целое? Арсений, ты почему такой бледный? Ты кормил бабушку?

Прежде чем я успел открыть рот и заявить, что это меня тут использовали как бесплатную рабочую силу, из комнаты царственной походкой (насколько это возможно с ходунка-

ми) вышла баба Лиза.

Она посмотрела на родителей, потом со скорбным и бесконечно усталым видом перевела взгляд на меня.

— Ой, деточки, приехали... — выдохнула прабабушка, и в её голосе появилось столько мученичества, что я чуть не упал на месте. — Слава богу. Жива осталась. Арсюша-то ваш... Целыми днями в своей этой коробочке телефонной сидит. Кормил меня сухими пайками какими-то, кашу сварить не мог — кирпич получился! Я уж думала, до ста двух лет не дотяну с таким уходом.

Я открыл рот. Воздуха не хватало. Мой внутренний циник и лентяй молча аплодировал стоя этой гениальной актрисе, у которой в серванте явно пылился не дошедший до неё «Оскар».

Мама тут же грозно посмотрела на меня:

— Арсений! Я так и знала! Мы тебе живого человека доверили, ветерана! А ты...

Баба Лиза незаметно для матери повернулась ко мне, подмигнула и беззвучно, одними губами произнесла: «Пряник не забудь принести».

Я вздохнул, улыбнулся и понял, что, кажется, я буду скучать по этому столетнему кошмару.

Глава 9

Ровно два дня назад я сдал тяжелейший проект и мысленно приготовился к неделе блаженного анабиоза на диване. Но юмор Вселенной решил прокачать меня, а не Comedy Club. Вечером мама, шурша какими-то бланками с водяными знаками, торжественно объявила, что профсоюз выделил бабе Лизе бесплатную путевку в подмосковный санаторий «Сосновый». На две недели. С полным пансионом и грязелечением. Не успел я оценить степень везения бабы Лизы, как мамин взгляд начал медленно и зловеще фокусироваться на мне.

— Но есть одно «но», — мама посмотрела на меня взглядом хищника, загнавшего жертву в угол. — Бабушке нужен сопровождающий. Лифт там часто ломается, процедуры на разных этажах, да и одной ей скучно. Арсений, ты у нас фрилансер, работать за ноутбуком можно из любой точки мира, ты и поедешь.

Внутри меня все похолодело. Всплыли картины из хорроров: бесконечные коридоры, пахнущие хлоркой, заунывные крики чаек над серым озером и полчища пенсионеров, штурмующих столовую ради добавки манной каши.

— Мама, фриланс — это работа, а не оплачиваемый отпуск в профсоюзном доме здоровья! — взмолился я, судорожно пытаюсь найти хоть сколько-нибудь весомые аргумен-

ты. — У меня дедлайны! У меня... новый контракт на носу! У меня созвоны с заказчиками каждый день в Зуме — как я буду выглядеть на фоне ковров и фикусов?

Вероятно, профессиональные трагедии моментально сложились в какой-то пазл, на ее лице не дрогнул ни один мускул.

— У тебя две недели на свежем воздухе за счет государства, — отрезала мама. — И точка. Возьмешь свой роутер, поймаешь сеть на сосне. Не переломишься.

Баба Лиза, сидевшая рядом и уминавшая зефир, задумчиво улыбалась. Она уже всю мысленно паковала чемоданы, выбирая лучшие наряды для вечерних танцев в клубе санатория.

— Вот и отлично, — резюмировала она. — Поедем в общество белок и старых пней. Да и тебе, Арсюша, полезно. Лицо у тебя серое, как асфальт, ни здоровья, ни подворья. Хоть на людей посмотришь. На приличных людей, с пенсией и трудовым стажем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.